

М. ХАЙДЕГГЕР О Ф. ГЁЛЬДЕРЛИНЕ

Анализируются два текста Хайдеггера о Гёльдерлине, в которых философ называет его «поэтом поэтов», т.к. он в своем творчестве являлся посредником между богами и людьми. Показано, что это свойство поэзии Гёльдерлина усилено её иррациональностью, охватившей всё его творчество.

Ключевые слова: Хайдеггер; Гёльдерлин; философ; поэт.

«Разъяснения к поэзии Гёльдерлина» М. Хайдеггера требуют собственных разъяснений. Тот, кто захочет найти там четкую и ясную мысль, будет разочарован. Это и невозможно в случае комментирования стихов одного из самых безумнейших поэтов.

Текст Хайдеггера, по обыкновению, полон метафор, тропов, игры слов, постоянных повторов и противоречий. Художественное превосходит собой философское. Скрупулезно осмысливается каждая строчка стихотворений, привлекаются тексты других сочинений Ф. Гёльдерлина. Выделяются основные темы: «природа», «бод-рость», «святое», «праздник». И конечно же «поэт».

Мы рассмотрим две лекции Хайдеггера, посвященные Гёльдерлину, – «Гёльдерлин и сущность поэзии» и «Как в праздник...» – как наиболее показательные.

Первую лекцию – «Гёльдерлин и сущность поэзии» Хайдеггер прочитал в 1936 г. Вторая – комментарий к стихотворению Гёльдерлина «Как в праздник...» (1800)¹, была прочитана несколько раз в 1939–1940 гг. Первую лекцию мы разобьем на две части, а между ними вставим вторую, потому что лекция «Гёльдерлин и сущность поэзии» дает прекрасный материал для начала и окончания разговора о поэте, в то время как вторая лекция проливает свет на *содержание* его творчества.

Первая лекция Хайдеггера – «Гёльдерлин и сущность поэзии» (1936) – открывает смысл высокого поэтического творчества.

Есть сущность поэзии. Её можно интерпретировать разными способами: как общее понятие, под которое подпадают все поэтические произведения всех времен и народов. Понимание поэзии в этом абстрактном смысле не устраивает Хайдеггера, видимо, потому, что у него слишком мало признаков, бедное содержание. Он не склонен рассматривать сущность поэзии в этом обобщенном смысле. Он не берется изучать творчество величайших поэтов – Гомера, Софокла, Вергилия, Данте, Шекспира, Гете. Он изучает творчество Гёльдерлина на том основании, что сущность поэзии содержательно богата: с одной стороны, речь идет о творчестве только одного поэта, что было бы недопустимо, изучай он сущность поэзии в первом смысле. Но для Хайдеггера сущность поэзии – это, с другой стороны, содержательное богатство поэтизации, теряя которое поэзия перестаёт быть собой. Он пишет: «Гёльдерлин является для нас в некотором отличительном смысле *поэтом поэтов*. И поэтому его процесс – показательный» [1. С. 67].

Обратимся к комментарию стихотворения Гёльдерлина «Как в праздник...».

Стихотворение не имеет названия. В первых строках описывается выход крестьянина на пашню после грозы и та радость, которую он испытал, убедившись, что урожай не пострадал во время дождя. Эта радость сравнивается с состоянием души поэта, предстоящим

перед всемогущей «Природой», божественно-прекрасной и «чудно-вездесущей» (слова Гёльдерлина. – С.С.) [1. С. 101]. Как пишет Гёльдерлин, подлинный поэт вскормлен «не только школой» [Там же], но и этой могучей стихией. Она существует и в душе поэта, и в богах, и в окружающем человека мире. Хайдеггер ставит вопрос: «Где же оно (вездесущее. – С.С.) берет эту мощь, если оно заранее во всем присутствует?» Природа обладает мощью, поскольку она «божественно-прекрасна» [1. С. 111]. При этом нельзя понимать природную мощь как производную от силы какого-либо божества. Иначе природа, которая, по замыслу Гёльдерлина, присутствует и в богах, была бы с ними соизмерима, равна им, и не была бы уже природой.

Природа вызывает притяжение и отторжение. В ней слиты высь небес и низины бездны. В слиянии противостоящего Хайдеггер видит сущность красоты: она и соединяет, и «отталкивает». Объединяя «противное с противным» [1. С. 113], красота позволяет всем элементам мира присутствовать во всём.

Божественная красота природы охватывает поэтов. Она пестует их, дает им вдохновение. Она может показаться уснувшей на небесах. Тогда поэт печалится, оставшись словно в уединении. Но природа спит «как будто» (слова Гёльдерлина. – С.С.) [1. 113], и поэт неотъемлем от неё – он полон предчувствий. И природа покоится в предчувствии поэта.

Природа по-гречески – φύσις. Перевод этого слова на латинский язык – «natura» – привносит в него иной смысл. Слово «φύσις» – это не «развитие» и не «становление» (слова Хайдеггера. – С.С.) [1. С. 117]. «Это происхождение и восхождение, это самораскрытие, которое возвращается... φύσις, осмысленное как слово-основа, значит восхождение в открытое, высветление того просвета, в котором вообще только и может что-то появиться», – пишет Хайдеггер [1. 119]. Слово «просвет» наводит на мысль о свете, сияние которого есть «огонь» (образ Гёльдерлина – С.С.). Огонь разлит во всей вселенной, он вездесущ. Он воспламеняет душу человека. Гёльдерлин восклицает:

И, как горит в глазах огонь у человека,
Когда высокое замыслил он деянье,
Так в душах возгорается поэтов
Огонь для дел людских от знаков этих новых
[1. С. 103].

Наступление дня, приход света в поэзии Гёльдерлина Хайдеггер обозначает как становление «просвета». Свет, светлое, «святое»... «Святое» Гёльдерлин называет «моим словом» [1. С. 101]. Именно слово поэта вооружает природу с тем, чтобы она отделила бытие (поименованное) от небытия (неименованного). Слово поэта – оружие природы, раскрывающее просвет, в котором только всё может пребывать. Природа древнее

всех времен и всех богов – это основа и условие их существования. Хайдеггер пишет: «Святое – это сущность природы» [1. С. 125]. Природа – это лоно мира, она впускает в себя и «высоты эфира», и «глубины бездны» (слова Гёльдерлина. – С.С.) [1. С. 103], будучи сама рождена из святого хаоса. Порождена природа, как пишет Гёльдерлин, «незыблемым законом» [Там же], который соприсутствует ей и представляет её существо. Хайдеггер обращает внимание на соседство в стихотворении двух слов: «хаос» и «закон». Беспорядок, по мысли философа, есть область открытого хаоса как возможности всего существующего.

Человек воспринял природу со всей её благостью, милостью, святостью как нечто «служебное», утилитарное, полезное. Однако природа не возразила человеку в его «непризнании святого» (слова Хайдеггера. – С.С.) [1. С. 137]. Человек сам существует лишь постольку, поскольку в нем присутствует «природа, святое» (слова Хайдеггера. – С.С.) [Там же]. Песня должна пронзить всю природу – от её вершин до глубин; только тогда она приобщится к «святому». Из всех людей ближе всего к песне, а значит и к природе, поэт. Гёльдерлин пишет:

Ведь мысли духа общего находят –
В душе поэта тихий свой конец

[1. С. 139].

Поэт, слагая напев, счастлив. Он никогда не именуется вещи, природу, святое непосредственно. Ему для этого необходимы боги. Боги сами тоже не могут соприкоснуться со святым – только через человека. Эту потребность людей в богах, а богов – в людях Гёльдерлин называет любовью.

Гёльдерлин в стихотворении дает два именованья людям: «сыны земли» и «поэты». При этом

...пьют бесстрашно ныне
Сыны земли Отца огонь небесный.
Но мы поэты, должно нам под божьей
Грозой ужасною с главою непокрытой
Стоять...

[1. С. 105].

Сыны земли находятся в безопасности, испивая вакхический напиток, поэты находятся в опасности – в просвете, где, по словам Хайдеггера, «открывается само святое» [1. С. 149]. Поэты – это предвестники святого будущего, сердца их чисты, как у детей; при этом «чистота сердца» – не нравственное понятие. Оно говорит о соответствии поэта закону природы, способности его соизмеряться с ним. «Безвинны наши руки», – пишет Гёльдерлин. Чистота сердца и безвинность рук создают поэтическое произведение – «невиннейшее из творений», как пишет Хайдеггер [Там же].

Возвращаясь к началу стихотворения, Хайдеггер цитирует следующие строки Гёльдерлина:

Но вот и день! Я ждал его, я видел его приход,
И, виденное мной, святое пусть моим

пребудет словом

[1. С. 101].

Итак, слово «вот» указывает на то время, когда осуществляется приход «святого». Его нельзя зафиксировать с помощью дат и отнести к историческим периодам – это всё «подпорки» для человека, пробуящего интерпретировать историю. «Но подобное “истори-

ческое”, – пишет Хайдеггер, – никогда не есть сама история. История редка. История есть лишь тогда, когда... решается сущность истины» [1. С. 159].

История – это история святого. Оно древнее времен и выше богов. Оно изначально и определяет судьбу человека и поэта. Поэт слагает стихотворение, которое становится гимном – гимном святому. Слово Гёльдерлина выражает зов святого и само святое, тем самым предрекая судьбы людей и богов.

В лекции «Гёльдерлин и сущность поэзии» Хайдеггер анализирует «пять высказываний поэта» [1. С. 67] о поэзии, чтобы показать ее сущность. Гёльдерлин называет поэтическое творчество «невиннейшим из творений» (1799 г.). Философ задаётся вопросом: что значит «невиннейшее» [1. С. 69]? Оно невиннейшее в том смысле, что это «игра в слова». Когда человек играет поэтическим словом, он никак не влияет на окружающую действительность – он не меняет и не преобразует её. Значит, он не приносит ни пользы, ни вреда. Это – бездействие с практической точки зрения. Но, с другой стороны, это работа с языком. Но что есть «язык»? О языке Гёльдерлин пишет (второе высказывание):

И потому опаснейшее благо – язык дан человеку...

Чтоб показал он, что он есть такое

(1800) [1. С. 65].

Хайдеггер анализирует понимание языка как блага. Дело в том, что во фрагменте поэта, который рассматривает Хайдеггер, речь идет не только о человеке, но и о других живых существах: розе, лебедю, оленю. Человек выделяется Гёльдерлином из всего живого мира тем, что он в «хижинах ютится», и тем, что он обладает языком. Человек занят тем, что творит мир, подготавливая его восход, и разрушает этот мир, приводя его к закату. Эти процессы есть история. «Но для того, чтобы история была возможна, человеку дан язык. Он – благо человека» [1. С. 71].

Но это – «опаснейшее благо», ибо он угрожает бытию человека как возможность «заблуждения», пишет Хайдеггер [1. С. 73].

С одной стороны, язык выдающегося произведения возвышен. С другой, заявляет Гёльдерлин, «пошлей, обыденней плод должен стать сначала – тогда лишь смертные его усвоят» [1. С. 73]. Под «плодом» имеется в виду словесное творение. Поэтому язык, с одной стороны – существен, с другой – иллюзорен. Таким образом, язык становится опасен не только для человека, как возможность заблуждения, но и для себя, как возможность опошления.

Почему же тогда эта серьезная опасность является «благом» для человека? Самый простой ответ: язык – это средство взаимопонимания. Но Хайдеггер предостерегает от понимания языка как средства общения. Язык – это та область, в которой человек творит себя как историческое существо. Это субстанция, из которой произрастает человеческий мир – мир истории. В этом смысле Хайдеггер обдумывает следующее, третье высказывание Гёльдерлина:

Много познал человек,
Небожителей многих назвал,
С тех пор как мы – разговор
И можем услышать друг друга

[1. С. 75].

В этом запутанном, по словам Хайдеггера, отрывке, философ выделяет третью строчку, которая говорит о том, что «мы – разговор». Когда люди говорят о чём-то, они приближаются друг к другу. Разговор позволяет людям пребывать в единстве. Это свойство основано на возможности человека услышать другого. Но человек не всегда был «разговором» – «с тех пор как мы – разговор» (курсив мой. – С.С.). Это произошло тогда, когда человек осознал время. Время, распахнутое в прошлое и будущее, время, схваченное в настоящем. Когда человек оказался погруженным во время, тогда возникла история.

Возникновение мира, богов и языка произошло одновременно. Хайдеггер пишет: «...в назывании богов и становлении мира словом как раз и состоит собственно тот разговор, который есть мы сами» [1. С. 79]. Но «как начинается этот разговор» [Там же]? Для ответа на этот вопрос Хайдеггер обращается к четвертому высказыванию Гёльдерлина: «Но что остаётся, то учредят поэты» [1. С. 65]. Здесь философ видит ответ на вопрос о сущности поэзии: «простое должно быть отвоёвано у путаного, во главу безмерного должна быть поставлена мера» [1. С. 81]. Необходимо «открыть» бытие, чтобы перед нами возникло «сущее» (Хайдеггер). Сущее «милолетно», но его необходимо остановить и сохранить. Это и будет тем, «что остаётся» (Гёльдерлин).

Хайдеггер пишет, что слово поэта не просто именуется вещи, оно их «словополагает» в то, что они суть. Оно *делает* вещи вещами. Оно их *учреждает*. Сущность вещей должна быть охвачена мерой. Свободное творчество вещей и есть их «учреждение» [Там же]. Сущность поэзии в том, что «она есть словесное учреждение бытия» [1. С. 83].

Пятую фразу Хайдеггер находит у Гёльдерлина в путаном, «чудовищном стихотворении» [Там же], которое поэт написал уже будучи тяжело и безнадежно больным:

Многозаслужен и всё ж – поэтический житель
Человек на этой земле

[1. С. 65].

Человек много сделал для своего и чужого существования. Тяжелая работа, житейские заботы, трудовые усилия – это всё деятельность человека. Но не это главное для человека. Его сущность состоит в «поэтическом». Отличие поэзии от труда в том, что труд все-

гда «заслуга», соприкосновение с миром вещей; поэзия – всегда дар, соприкосновение с миром богов.

Поэзия – основа бытия. Это не просто явление культуры, но её основание. Поэзия изначальна. Она не оперирует языком, но делает его возможным. «Поэзия есть праязык всякого исторического народа, – пишет Хайдеггер. – Таким образом, наоборот, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии» [1. С. 85]. Но если язык – «опаснейшее благо», то поэзия – «опаснейшее творчество» (слова Хайдеггера. – С.С.). Но в то же время она – «невиннейшее из творений», по словам Гёльдерлина.

Поэзия – «опаснейшее творчество» потому, что в битве аполлонийского и дионисийского побеждает последнее, и поэт настигает безумие. Поэзия похожа на игру, но игрой как таковая не является. Игра возбуждает, поэзия – умиротворяет. Обыденный мир привычных вещей далёк от поэзии. Поэзия – сон наяву, непривычный и фантазийный. В то же время она не произвольна и не своенравна. Она, как пишет Хайдеггер, «высшая необходимость» [1. С. 89].

Поэт – посредник между богами и людьми. Он выхватывает мысли богов и передаёт их словами людям. Таким образом поэт выполняет своё назначение – является «поэтическим жителем» на «этой земле». Хайдеггер с уверенностью говорит, что таким был Гёльдерлин. Его «поэтическое слово» всегда находится в «промежи» двух миров. Поэтому Гёльдерлин – «поэт поэтов» [1. С. 93].

Обдумывая эту статью Хайдеггера, отметим, что главные его аргументы – то, что Гёльдерлин превратил поэзию в сущность мира, положил ее в основу истории, стал посредником между богами и людьми – неспецифичны. Все это можно найти и у Гомера, и у Вергилия, и у Данте, и у Шекспира, и у Гете. Главный отличительный признак, позволяющий отделить Гёльдерлина от других поэтов и назвать его «поэтом поэтов», – это ужасающая бездна иррационального, окутывающая его творчество со всех сторон. Именно она была источником его поэтизации, именно в неё он канул безвозвратно. И именно из неё, божественной, он черпал мотивы своего творчества. Она обостряет и возводит в степень признаки, перечисленные Хайдеггером. Гёльдерлин – самый безумный, но и самый вдохновенный поэт немецкого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы не будем приводить это большое стихотворение целиком, оно опубликовано в книге [1. С. 101–105] (перевод Г. Ноткина). Ср. перевод В. Микушевича [2. С. 153–155].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Академический проспект, 2003. 320 с.
2. Гёльдерлин Ф. Сочинения. М.: Художественная литература, 1969. 544 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 апреля 2010 г.